

Мы долго не могли встретиться. Сложнейшая задача — найти свободный час у Эдиты Пьехи, народной артистки РСФСР, лауреата премии Ленинградской комсомольской организации, международных и всесоюзного конкурсов. Однажды наш разговор чуть было не состоялся — мы договорились о беседе по пути на объединение «Ижорский завод», где певице предстояло выступить. Но в последний момент встреча опять сорвалась...

ЗЕМЛЯНИКА НА ЛАДОНИ

— Расскажите, пожалуйста, о концерте у ижорцев, Эдита Станиславовна.

— Мне приятно вспоминать это выступление. Оно из тех, на которых ощущаешь необыкновенную силу песни и счастье от непосредственного общения со слушателями. В цех с импровизированной эстрадой пришли сотни людей. Великолепно, когда песня объединяет. Всегда великолепно — в походах, на фестивалях, в концертах, за дружеским столом...

К сожалению, мне кажется, сейчас жанр массовой песни стал менее популярен. Рождаются много песен, в которых для меня слышится что-то металлическое, холодное. Они слишком громкие, что ли. Понимаете, мне не хочется их ругать, потому что я высказываю только свою точку зрения и могу быть не права. Но почему-то юность сейчас иначе проявляет свои эмоции. Слушают много музыки, а поют меньше, чем пели мы.

— А вы в юности пели много?

— Как много мы пели! Мы все пели, это объединяло нас, делало жизнерадостными, по-настоящему молодыми. Однажды я со звала голос и неделю звука не могла произнести — была самой несчастной на земле: «Я не могу петь — огромное горе!» А песен знала столько, что следующую песню могла начать с того слова, которым кончалась предыдущая, и так без конца.

Иногда, слушая современную музыку, я сожалею о простых, нежных напевах. Да, песня обретает новые формы, это нужно приветствовать. Но я поклоняюсь традиционной песне, так называемому шансону. Это международное определение лирической, поэтической песни на любую тему. Шансонами являются, например, песни М. Таривердиева.

Кое-кто из юных может упрекнуть меня в отсталости взглядов. Нет, это не отсталость, я с интересом и совершенно непредвзято слушаю многое, что удивляет. Если волнует — радуюсь, нет — значит нет.

Знаете, находят люди, для которых все, что они не понимают, непременно

плохо. Я к ним не принадлежу. Сейчас много вокально-инструментальных ансамблей, где певцы поют громко, просто кричат. Не хочу их критиковать. Они еще очень молоды и не успели узнать жизнь, а значит, не всегда понимают, о чем поют.

Мне хотелось бы научиться понимать все эти группы и ансамбли, как понимает их, к примеру, модница, ее поколение, но для этого, вероятно, нужно забыть то, что я люблю. Нельзя любить все, каждому — свое.

— Как вы относитесь к музыке, звучащей на танцевальных вечерах, на отдыхе, в наших кафе, ресторанах? Как, по-вашему, можно бороться за то, чтобы она была менее громкой, более соответствовала своему назначению?

— Это сложная проблема, и решить ее непросто. Сначала о самой музыке.

Несколько лет назад в моем репертуаре была песня ленинградского композитора Б. Потемкина «Мой сосед». Я за нее получила много «комплиментов» — говорили о ее пошлости, низком вкусе и так далее. Но упустили из виду одно — это другой жанр, его нельзя судить по законам песни поэтической, массовой или гражданской. «Мой сосед» — задорная, мелодичная танцевальная песня, такой жанр у нас тоже необходим и должен иметь право на существование. Но нельзя давать работать в этом жанре посредственным композиторам. Недостаточное внимание к танцевальным песням приводит к халтуре. Или еще хуже — танцуют под такие песни, которые можно только слушать. В одном ресторане танцевали под песни «Журавли» Я. Френкеля на стихи Р. Гамзатова и «Огромное небо» О. Фельцмана и Р. Рождественского. Это все равно, что прикурить сигарету от Вечного огня... Это кощунство. И чтобы такое не повторялось, композиторам следует более внимательно относиться к развлекательной и танцевальной музыке.

— Есть еще вторая проблема — исполнительская.

— У нас бывает отрицательное отношение к тому, что певец поет, например,

в ресторанах. Это как бы ниже достоинства настоящего исполнителя. Но следует понять, что существуют разные песенные жанры, и любой исполнитель, если он талантлив, имеет право представлять песню своего жанра. Тот, кто поет гражданские песни, не может выступать на подмостках варьете. А если человек исполняет легкие танцевальные мелодии — почему же не там, где это нужно всего?

Мне, например, пришлось услышать польских певцов, выступавших в Финляндии в ресторане. Эти люди прекрасно понимали свою роль и справлялись с ней талантливо.

Многочисленные певцы зарубежной эстрады, которые еще недавно заполняли наши концертные площадки, выступают у себя дома в барах, ресторанах, варьете. А приезжая к нам, выступали в концертных залах, хотя там должны были звучать другие песни. По-

чему нельзя их гастроли проводить в программах наших варьете, где их выступление будет соответствовать их жанру?

Нам нужно менять отношение к этим вещам. Рестораны у нас все больше и больше, мы стремимся организовать людям разнообразный и полноценный отдых, сочетающийся с их желанием общаться друг с другом, приятно провести свободное время. Это естественно. Но разговаривать там, где играют наши оркестры, пока невозможно...

Вообще очень важно — подавать то, что есть, в соответствующем оформлении. Я на всю жизнь запомнила фразу, которую произнес на выпускном вечере директор нашего лицея (я училась в Польше). Он сказал: «Если землянику протянут вам на грязной ладони, вы не станете ее есть...». Даже самое лучшее, если его преподнесут небрежно, теряет свою прелесть.

— То есть всему свое время и место?

— Да, так. К примеру, мне кажется, что исполнитель песен не должен выступать во дворцах спорта. Пусть там будет балет на льду — роскошный фейерверк костюмов, танца и так далее. А песня требует большей интимности, иного способа общения. Я даже попыталась на своих сольных концертах отказаться от антракта. Перерыв разрушает непрерывную нить настроения, которую я должна соткать, трудно публике дважды настраивать на необходимое моим песням настроение, атмосферу. Большая музыкально-хоровая программа — другое дело, там зритель устает от красочного зрелища, динамики, множества исполнителей разных жанров, обилия ярких костюмов и смены впечатлений. Он должен отдохнуть, поэтому антракт необходим. Но сольный концерт требует иной формы.

— Что, по-вашему, главное для певца?

— Трудно ответить. Но очень важно, чтобы у певца была своя песня. Нельзя петь все подряд, быть песенным конвейером. Определить свой жанр и действовать по его законам — это, наверное, главное. При наличии, разумеется, таланта и умения трудиться.

— Эдита Станиславовна, в вашем репертуаре есть гражданские, политические песни. Пришли вы к ним не сразу, начинали с лирических, жизнерадостных, легких. Как случилось, что вы спели «Огромное небо» — свою первую гражданскую песню?

— Это произошло в конце шестидесятых годов... Просто пришел иной жизненный опыт, более глубокий, и я почувствовала потребность думать и говорить о серьезных вещах серьезно. Говорить на языке песни, понятном всем людям.

И спев такие песни, как «Огромное небо», «Следующий», «Никогда», баллады «О хлебе», «О Тане Савичевой», я уже и о любви не могла петь так, как раньше. Мне стали необходимы песни-драмы, песенно-новеллы, такие, как «Любовь» О. Фельцмана и Ф. Жерара, «Мне казалось» А. Броневитского и С. Фогельсона, «Мама» А. Броневитского и О. Милевского, «Радуга» А. Флярковского и М. Танича, и другие...

Театр часто уподобляют кафедре, с которой можно сказать людям много добра. Такой же кафедрой, по-моему, должна быть и эстрада. В песне можно говорить о жизни страстно, серьезно и глубоко.

Мне всегда хотелось именно этого.

Беседу вела А. АНДРЕЕВА